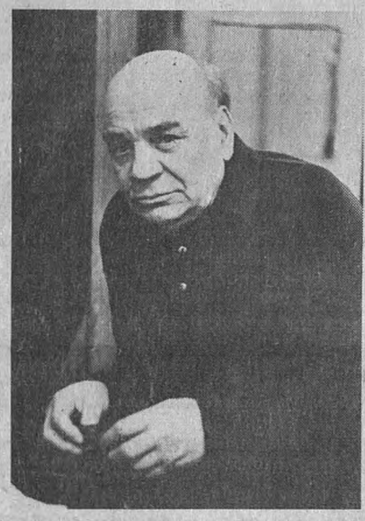
МОСГОРСПРАВКА
ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК
К-9, ул. Горького, д. 5/6 Телефон 203-81-63

Вырезка из газеты УЧИТЕЛЬСКАЯ ГАЗЕТА
от 29 января г. МОСКВА
1977 г. г. Москва

А. Н. ГРИБОВ:

«ЖИЗНЬ МОЯ — ТЕАТР!»



Герою Социалистического Труда, народному артисту СССР, лауреату Государственных премий СССР, актеру Московского Художественного академического театра СССР Алексею Николаевичу ГРИБОВУ исполняется 75 лет. Сегодня его поздравляют тысячи и тысячи людей: друзья, собратья по искусству, зрители. К теплым поздравлениям в адрес человека, всю свою жизнь посвятившего сцене, мы присоединяем и поздравления читателей «Учительской газеты».

В день рождения свойственно вспомнить о прожитом. А если отбросить десятки лет, вернуться к истокам! Стоило ли начинать по-другому или хорошо, что все сложилось именно так! С этих вопросов начался наш разговор с Алексеем Николаевичем.

— В искусстве со временем формы мертвеют. Завтра я должен делать роль иначе, чем сегодня. Остановиться — значит отстать от жизни, а в творчестве это пагубно. Переосмысливая сегодня те или иные роли, многое, конечно, я сделал бы иначе. Мы все с годами становимся мудрее: жизнь не только учит, но и питает нас. И, конечно, сейчас я знаю гораздо больше и понимаю гораздо глубже Гоголя, чем это было сорок лет назад, когда я впервые сыграл Собакевича.

А вообще я как-то не ругаю себя за то, что сумел сделать и оставить людям. И в этом мое актерское и человеческое счастье. 75 — много. Ка-та-стро-фи-чес-ки! Помните песню, которую изумительно поет К. И. Шульженко: «Но как вы можете гореть, когда уж молодости нет? — Да просто надо не стареть, и в этом весь секрет!».

— Алексей Николаевич, проблема эстетического воспитания молодежи волнует всех: человек может быть великолепным специалистом, до тонкостей знать свое дело, но если он не научился любить и понимать прекрасное — жизнь его обеднена. Значительную роль в решении этой проблемы играет приобщение школьников к театру. Что вы об этом думаете!

— Мне приходилось выступать в школах, причем не только в Москве, но и на периферии, и в разговорах с учителями и самими ребятами я постепенно пришел к выводу, что, кончая десятилетку, парни и девушки имеют очень смутное представление о Станиславском, Вахтангове и Эйзенштейне, не говоря уже о таких титанах русской культуры, как Мочалов, Щепкин, Стрепетова, Комиссаржевская, и десятках других. Они совершенно не знают истории театра, не знают, что нового принес Мейерхольд, — их просто не учат этому! А почему? Почему хорошо подготовленному преподавателю литературы хотя бы раз в неделю не побеседовать со старшеклассниками о тайне рождения театра, сцены... Зачем же мы подчас обедняем наших детей? Почему оставляем их духовно скудными, почему мало учим их разбираться в театре, кино и в искусстве вообще?

Школьникам в крупных городах проще: их в театр водят. Но как! В иных школах даже приказывают явиться на спектакль, и попробуй ты не явись! Мне внучка рассказывала, что у них на другой день вызвали в школу родителей «неявившихся»...

Вспоминаю свои ученические годы. Мы занимались в школе-клубе Замоскворецкого района. Как-то раз зашел к нам заведующий школы Вячеслав Валерианович Барановский. И просто предложил: «Давайте создадим драматический кружок!». И стал рассказывать о театре... А потом достал книжку А. Н. Островского «Бедность не порок» и предложил нам что-нибудь прочесть. И я, мальчишка, заинтересованный рассказом Вячеслава Валериановича, тут же закричал: «А можно мне попробовать...». Это было началом.

А потом я пришел в 3-й МХТ. И началось! Репетиции, репетиции, репетиции... Первые спектакли! Адская работа. А время тяжелое, голодное... И Станиславский, видя наше рвение, наш азарт и наши голодные глаза, часто говаривал буфетчику Прокофию: «А покорми-ка их, братец, нынче кашей!».

— Какие роли вам приходилось играть в то далекое время!

— Разные. Но большей частью — незаметные. В школьной программе, насколько я знаю, есть Алексей Константинович Толстой. К сожалению, о его трагедиях в школе почти не упоминают. А между тем именно «Царем Федором Иоанновичем» А. К. Толстого в 1898 году открылся наш Художественный театр. Спустя много лет после премьеры, когда спектакль прошел свыше ста раз, меня ввели на роль Михайлы Головина. Это было очень ответственно — играть рядом с великим И. М. Москвиным — Федором, незабвенной О. Л. Книппер-Чеховой — Ириной, играть под постоянным вниманием К. С. Станиславского, который с большим успехом исполнял когда-то роль князя Ивана Петровича Шуйского. А потом у меня была массовка в «Пугачевщине», первой пьесе советского автора, поставленной в Художественном театре, в «Горе от ума»...

С большим удовольствием вспоминаю, как работал со мной Константин Сергеевич Станиславский над ролью Мужика в пьесе Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69». И ведь только одна фраза была у меня — мой Мужик докладывал командиру партизанского отряда Вершинину: «Один я уцелел»... Но работали мы удивительно долго. По замыслу Константина Сергеевича, эта фраза была главной во всей сцене. И он добивался от меня сложнейшего переплетения недоумения и радости, испуга и детской наивности, чего добился я не сразу.

И так всегда: оттачивали каждое слово, каждый жест...

— Алексей Николаевич, многие считают вас прежде всего актером комедийного плана. А как считаете вы сами!

— Вся жизнь МХАТа связана с именами двух могучих титанов русской литературы, чьи крылья давно подняли его на вершины художественной жизни России. Одно крыло — пьесы Антона Павловича Чехова, пьесы удивительно умные, гуманные, проникнутые болью за человека. Другое крыло — социально-революционные пьесы Алексея Максимовича Горького. И Чехов, и Горький значат для меня, как и для МХАТа, очень и очень многое.

Драматургия Чехова, как и драматургия Горького, дала мне заряд на всю жизнь, она постоянно питает меня, и мне почему-то все время кажется, что Чехов и Горький в чем-то удивительно взаимодополняют друг друга.

Вот Лука. Иван Михайлович Москвин, первый исполнитель этой роли на сцене Художественного театра, долго не соглашался с Горьким в трактовке образа и утверждал, что Горький написал другого Луку, не такого, как хотел, и что проповеди Луки — это как раз то, что нужно обитателям ночлежки, это хорошо, это правильно, это мудро и верно. И играл его каким-то житейски мудрым, искренне доброжелательным... У меня трактовка иная, больше «горьковская», но мне сейчас хочется сказать о другом. Вот пример, когда одна и та же драматургия дает материал для совершенно разного сценического прочтения, когда одну и ту же роль невозможно каждый раз играть одинаково. Для актера умная роль, хорошая драматургия — это пятьдесят процентов успеха. В плохой пьесе можно провалиться, а в хорошей — никогда!

Что же касается ролей комедийных... Может, я действительно больше актер комедийный. Но не только комедия была важна для меня, я никогда не пытался быть однопланов, никогда не увлекался только комедийным гротеском.

— Алексей Николаевич, к числу лучших ваших ролей по праву принадлежит роль Владимира Ильича Ленина в погодинских «Кремлевских курантах». Расскажите, пожалуйста, о своей работе.

— В «Кремлевских курантах» я играл почти 400 раз и столько же в концертах перед юношеской и рабочей аудиторией. Работа над образом Владимира Ильича проходила напряженно и интересно. Во-первых, я поставил перед собой цель не копировать внешний портрет вождя, а попытаться проникнуть в его внутренний мир, постичь духовное зерно ленинской личности. Так родилась моя трактовка образа вождя — не только мыслителя и мечтателя, но и провидца будущего, живого человека.

В «Кремлевских курантах» был занят великолепный состав. Б. Н. Ливанов и А. П. Кторов долго и с большим успехом исполняли роль инженера Забелина, А. К. Тарасова — его жены, М. И. Прудкин — иностранного писателя, Б. Я. Петкер — часовщика, А. П. Зуева — крестьянки Чудновой. Вслед за мной роль Ленина удивительно проникновенно играл Б. А. Смирнов, а теперь Н. Н. Засухин.

— А кино! Когда вы впервые пришли в кино!

— В 1935 году на экраны страны вышел фильм «Горячие денечки», где я сыграл роль командира танкового батальона Горбунова. Долгое время не мог привыкнуть к камере, боялся ее. А тут еще бледная и невыразительная роль! Это не принесло мне настоящего творческого удовлетворения.

Вторую свою роль в кино я сыграл, можно сказать, случайно. Летом 1938 года, когда отдыхал в Туапсе, мне вдруг предложили сыграть в фильме «Поезд идет» роль машиниста. Я стал отказываться. Но режиссер настоял. Помню, засунули меня в кабину машиниста, наскоро обучили, как водить паровоз (а я стал водить его на самом деле), и сняли. Фильм вышел, но мне он не нравился.

Своим настоящим дебютом в кино я считаю роль старого тренера конного завода Воронова в фильме «Смелые люди». За эту роль я взялся с радостью, и даже не потому, что в молодости сам когда-то очень любил лошадей и даже участвовал как ездок-любитель в бегах. Мне вдруг почудился образ необыкновенного, сильного человека, настоящего русского богатыря, какими так богата наша страна.

— У каждого из нас есть свое хобби. Ваше хобби, Алексей Николаевич!

— Театр! Люблю ходить в него как зритель, люблю смотреть спектакли. Театр — моя профессия, еще и мое хобби... Сначала это меня волновало. Но потом я где-то прочел, что счастлив тот человек, у которого профессия и хобби совпадают, и успокоился. Люблю делать любительские фильмы. Смешно, правда? Киноактер — и вдруг любительские фильмы! Когда-то любил озвучивать мультфильмы... Люблю бродить по Москве...

— Спасибо за беседу, Алексей Николаевич, за интересный рассказ. Новых вам сил, бодрости, здоровья!

— Спасибо за внимание, за теплые слова. Я рад возможности передать привет всем советским учителям, наставникам молодежи. Пусть мое сегодняшнее выступление будет расценено, как маленькая дань их титаническому труду, их нелегкому счастью — счастью учителя.

Беседу вел
А. КАРАУЛОВ.